

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Scientific Review: Research and Results

№ 1 / 2026

<https://rrscience.ru/>

Главный редактор журнала:

Куrowsкая Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Арчер Роберт Дж. Л., PhD, доцент кафедры уголовного правосудия, Государственный университет Николса, Тибодо, Луизиана, США

Биде Густаво А., PhD, вспомогательный профессор юридических и социальных наук, Южный университет Чили, Вальдивия, Чили

Бородинова Татьяна Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права, Северо-Кавказский филиал РГУП, Краснодар

Вестов Федор Александрович, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, Саратов, Россия

Гладун Елена Федоровна, доктор юридических наук, Институт государства и права, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Учредитель:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: <https://rrscience.ru/>

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-92147

Издатель: Куrowsкая Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© Scientific Review: Research and Results, 2026 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

Уголовно-правовые науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «Scientific Review: Research and Results» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Scientific Review: Research and Results» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor:

Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Archer Robert J. L., PhD, Associate Professor, Department of Criminal Justice, Nicholls State University, Thibodaux, Louisiana, USA

Beade Gustavo A., PhD, Assistant Professor, Faculty of Legal and Social Sciences, Austral University of Chile, Valdivia, Chile

Borodinova Tatyana Gennadyevna, Doctor of Laws, Professor & Head, Department of Criminal Procedure Law, Russian State University of Justice (North Caucasus Branch), Krasnodar, Russia

Vestov Fedor Aleksandrovich, PhD in Law, Professor, Department of Criminal, Environmental Law and Criminology, Saratov National Research State University, Saratov, Russia

Gladun Elena Fyodorovna, Doctor of Laws, Institute of State and Law, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Founder:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: <https://rrscience.ru/>

Media registration number: El No. FS77- 92147

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© Scientific Review: Research and Results, 2026 r.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:
Criminal law Sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "Scientific Review: Research and Results" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using published journal materials, a link to "Scientific Review: Research and Results" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

总编辑的杂志:

Куровская纳塔利娅Kurovskaya, 总干事, 中国科学院科学和教育、顿涅茨克、俄罗斯联邦

成员的编辑委员会:

Robert J.L.箭, 博士, 副教授刑事司法方面, 尼科尔斯国立大学, 锡伯杜, 路易斯安那州, 美国

Dr.Gustavo A.浴盆, 博士, 副教授法律和社会科学学院、南方大学智利、瓦尔迪维亚、智利

Бородинова 塔季扬娜 G.Borodina, 医生的法律教授, 该部门负责人的刑事诉讼法》、北高加索地区分支的俄罗斯国家统一企业, 克拉斯诺达尔

Vestov 费奥多尔*亚历山德罗博士在法律教授, 该部的刑法、环境法和犯罪学, 萨拉托夫国家研究国立大学, 萨拉托夫、俄罗斯

埃琳娜 Gladun, 医生的法律, 国家和法律研究所、秋明州立大学、秋明, 俄罗斯

创始人:

有限责任公司"科学院科学与教育"

创始人的地址:41 阿尔乔姆 str., 房间 306b, 顿涅茨克城市, 顿涅茨克人民共和国、283086.

锡: 9303040432

检查站:930301001

OGRN:1259300002103

电话:+7(909)679-60-04

网站:<https://rrscience.ru/>

媒体登记号码: 电邮号码 FS77- 92147

出版者: Куровская 纳塔利娅 Kurovskaya, 总干事的 ANO 有限责任公司。

Адрес 出版商的地址: 莫斯科. Москва

©科学审查: 研究和结果, 2026 г.

频率为每年 4 次.

该杂志发表文章的下列科学专业:

刑法科学

审查程序的文章

所有提交的稿件初步检查由编辑人员遵守该杂志的主题和检查的独创性(使用适当的软件和硬件系统)。文章,已经通过了这一阶段提交的匿名审查的成员在编辑委员会成员或外部专家参与。受到接收积极的评价没有评论在物质的研究,该文接受出版,包括在编辑的投资组合和安置在接下来的问题的期刊。

科学杂志"科学审查:研究和结果"发表的科学和实用研究,在按照命名的科学专业,为其学位的奖励。

我们的杂志致力于使该出版物过程中尽可能方便用于作者,因此,它允许对设计各种选项,参考书目和参考资料。

所列出的来源是根据 GOST7.0.5-2008 年鉴于在该条结尾处在标题"列表中的资源"。以下格式的参考书目的是允许的:

- Внутритекстовые 内部文本链接(根据 APA 标准)

-脚注(根据 GOST7.0.5-2008 年)

- 不-文本链接(根据 GOST7.0.5-2008 年)

我们提供者与灵活性设计,以尽量减少繁文缛节并侧重于内容的研究。最主要的是均匀内的文章本身。

出版物的费用

编辑委员会成员不收取作者收费为筹备、安置或印刷材料。

当使用出版杂志的材料的链接"科学审查:研究和结果"是必需的。

全部或部分转载的资料只允许用书面批准的文章的作者或编辑委员会。

编辑的观点来看并不总是符合提交人的观点。

内容 是提供 下 лицензией 的知识共享归属 4.0 许可证。内容可在知识共享归属 4.0 许可证。

ОГЛАВЛЕНИЕ

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	8
ПРОБЛЕМА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ДИСКУРСЕ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПОБОЕВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 6.1.1 КОАП РФ	19
ЗАВЕДОМОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ КЛЕВЕТЫ	30
ПРАВО СУДЬИ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ СВОЕЙ СОВЕСТЬЮ КАК УСЛОВИЕ СВОБОДЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ГАРАНТИРОВАННОЙ СТ. 17 УПК РФ	40
ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	51

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343.221.51

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Есеналиев Аскат Ералиевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса, Южно-Казахстанский университет имени Мухтара Ауэзова, Шымкент, Казахстан, askates_sh@mail.ru

Аннотация

В статье ставится вопрос о необходимости введения института уголовной ответственности юридического лица. Сама идея не является новой, однако поддерживается не всеми учеными, в том числе и по мотиву не вполне однозначного понимания вины. Однако ни вина, ни другие аспекты, по мнению автора статьи, не могут рассматриваться как непреодолимое препятствие внедрению указанного института. В статье излагается множество аргументов в пользу введения указанного института, в том числе недостаточность существующих мер гражданско-правовой и административной ответственности, серьёзный характер последствий противоправных деяний, допускаемых многими организациями, при том, что последствия зачастую гораздо серьёзнее тех, которые влекут преступления, совершаемые отдельными физическими лицами. В пользу введения рассматриваемого института ответственности свидетельствует и определённая близость ей института административной ответственности организаций, которой традиционно рассматривается как неотъемлемая составляющая российской правовой системы и ответственности в целом. С учётом такого подхода предлагается дополнение ст. 19 УК РФ положениям, о признании субъектом преступления юридического лица, но с некоторыми исключениями, к которым должны быть отнесены организации,

состоящие из одного гражданина, либо деятельность которых неразрывно связана с деятельностью государства.

Ключевые слова: административная ответственность юридических лиц, субъект преступления, уголовная ответственность, уголовная ответственность юридических лиц, УК РФ

Original article

ON THE EXPEDIENCY OF INTRODUCING CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

**Askat Yesenaliev, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of
the Department of Civil Law and Civil Procedure, Makhambet Utemisov West
Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan**

Abstract

The article raises the question of the need to introduce the institution of criminal liability of a legal entity. The idea itself is not new, but it is not supported by all scientists, including for reasons of a vague understanding of guilt. However, neither guilt nor other aspects, according to the author of the article, can be considered as an insurmountable obstacle to the introduction of this institution. The article presents many arguments in favor of the introduction of this institution, including the insufficiency of existing measures of civil and administrative liability, the serious nature of the consequences of illegal acts committed by many organizations, despite the fact that the consequences are often much more serious than those that entail crimes committed by individuals. The introduction of the institution of responsibility under consideration is also supported by a certain proximity to the institution of administrative responsibility of organizations, which is traditionally considered an integral part of the Russian legal system and responsibility in general. Taking this approach into account, it is proposed to supplement Article 19 of the Criminal Code of the Russian Federation with provisions on recognizing a legal entity as the subject of a

crime, but with some exceptions, which should include organizations consisting of one citizen or whose activities are inextricably linked to the activities of the state.

Keywords: administrative responsibility of legal entities, the subject of the crime, criminal liability, criminal liability of legal entities, the Criminal Code of the Russian Federation

Введение

На сегодняшний день институт уголовной ответственности юридических лиц в условиях российского правового порядка не нашёл поддержки законодателя, в связи с чем в качестве субъектов преступления Уголовный кодекс РФ [1] (далее – УК РФ) признает исключительно физических лиц. Вместе с тем, гражданско-правовой, а также к административной ответственности, которая в значительной степени близка уголовной по своей природе и специфике, юридические лица привлекаются. Причем указанные виды юридической ответственности принято рассматривать как вполне традиционные именно применительно к данной категории субъектов. Что же касается уголовной ответственности юридических лиц, то российский законодатель пока не счел необходимым ее вводить, но опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что институт уголовной ответственности юридических лиц может вполне эффективно функционировать, а организация, допускающая существенные нарушения, обладающие признаком общественной опасности, могут стать субъектами преступления, привлеченными к ответственности именно в уголовном порядке.

В отечественной юридической литературе вопрос внедрения в правовую систему указанного института уже давно обсуждается, и относительно него высказываются как поддерживающие, так и критические мнения, особенно в последние годы, что заставляет более внимательно взглянуть на данную проблему.

Основная часть

В целом те взгляды, которые высказываются относительно необходимости признания юридического лица субъектом преступления, можно разделить на две группы. Соответственно, одна группа авторов полагает, что юридическое лицо целесообразно признавать субъектом преступления, внося необходимые изменения УК РФ, вторая группа придерживается прямо противоположного мнения. При этом каждая из позиций с научной точки зрения подкреплена довольно убедительными аргументами, хотя ни одна из позиций не является бесспорной.

Заслуживающее внимания мнение высказал Б.В. Волженкин подчеркивающий причинение юридическими лицами вреда, часто существенно превосходящего по своим негативным последствиям тот вред, который потенциально может (мог быть) причинен конкретным физическим лицом [2].

Очевидно, что от имени юридического лица во всех без исключения случаях действует то или иное физическое лицо, или группа физических лиц. Отличие лишь в том, что действующее от имени организации физическое лицо имеет конкретный статус, предполагающий наличие определённой должности и возможностей. Однако нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что юридическое лицо – это и де-юре, и де-факто субъект коллективный чаще всего. А коллективный характер деятельности потенциально обуславливает и более значимые последствия.

Конечно, юридическое лицо может быть представлено одним гражданином, объединяющим в себе одновременно и роль учредителя, и роль руководителя, и роль исполнителя, не пользующегося чьей-либо поддержкой. Однако такие случаи в целом являются исключением, нежели правилом, а потому коллективность юридического лица в целом вполне уместно презюмировать, исходя из чего полагать и потенциально более опасные последствия противоправного деяния.

Поэтому мнение, исходя из которого наличие правонарушения определённого характера, вины и последствий организация должно влечь уголовную ответственности, высказываемое многими авторами, в том числе Б.В. Волженкиным [2], заслуживает поддержки.

На возможность признания организации субъектом преступления указывает также К.А. Ершова, для чего, по её мнению, необходимо устанавливать, что именно юридическое лицо могло совершить преступление, причём в такой формулировке, в какой понимание преступления закреплено в нормах действующего УК РФ. И неотъемлемым условием предлагается рассматривать наличие корпоративного интереса в преступных деяниях организации [3, с. 13]. В этом случае вопрос интересов является весьма спорным, поскольку вряд ли можно исключить, что и в чьих-либо некорпоративных интересах юридическое лицо тоже может преступно действовать (бездействовать), особенно когда выступающее от его имени субъект обладает значительным потенциалом власти в плане управления.

Если применительно к таким случаям говорить о субъекте преступления, то в качестве него указанный автор предлагает предусматривать юридическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, причём именно в период со дня его создания до момента прекращения деятельности [3, с. 14]. То есть взгляд на природу преступления, допущенного организацией, в целом совпадает с тем взглядом, который отражает природу преступления, допущенного индивидом.

Что же касается субъективной стороны, то применительно к юридическому лицу она тоже носит внутренний характер и выражается в наличии вины, однако специфика в том, что вина психологического содержания лишена, во всяком случае, формально [3, с. 14]. То есть здесь имеется исключительно формальный подход, который по своей сути можно рассматривать как презумпцию вины при наличии соответствующих признаков, характеризующих само деяние, зависящее именно от организации.

При рассмотрении вопроса уголовной ответственности организации нельзя обойти вниманием проблематику определения конкретных видов уголовных наказаний. Думается, что здесь законодатель может пойти тем же путём, каким он пошёл и в случае введения административной ответственности относительно рассматриваемых субъектов, но конечно, с безусловным учётом уголовно-правовой специфики. То есть, например, введение штрафа, лишения заниматься определённой деятельностью, также ликвидация лица могут быть вполне приемлемыми, как и меры уголовно-правового характера, не являющиеся наказаниями, например, конфискация имущества [3, с. 15].

В числе сторонников введения института уголовной ответственности организаций выделяется Л.Е. Панаева, усматривающая в современных социально-экономических реалиях явные потребности для введения уголовной ответственности как более суровой правовой репрессии в отношении организаций. По её мнению, это должно дополнить и усилить иные формы ответственности [4, с. 90].

В обоснование идеи уголовной ответственности организации нельзя не сказать о примерах, одним из которых, причём исключительно положительных, является Франция, где институт уголовной ответственности юридических лиц имеет довольно давнюю историю и продолжает развиваться до настоящего времени, становясь предметом исследования многих учёных, в том числе российских. При этом за образец многими авторами берётся именно французское законодательство, что является вполне справедливым. В этой связи Российская Федерация в части регулирования уголовной ответственности юридических лиц не располагает опытом, однако такой опыт имеется у многих зарубежных стран, в числе которых и Франция [5].

Думается, что в случае признания необходимости введения такой ответственности вполне уместно использовать и зарубежный опыт, причём как в рамках осуществления правового регулирования, так и в контексте развития правоприменительной практики, касающейся уголовной ответственности

юридических лиц. Однако, рассматривая данный вопрос применительно к российским правовым реалиям, представляется невозможным простое «копирование» иностранного опыта, поскольку в каждой стране, включая Россию, имеется своя специфика, в том числе в плане правового развития и совершенствования текущего законодательства. А потому тот опыт, который накоплен другими странами и будет, например, заимствоваться Россией, может оказаться не столь положительным. То есть чужой опыт, в том числе французский, хотя и заслуживает безусловного внимания, но не должен рассматриваться как безусловный ориентир, в чем нет каких-то сомнений.

Стоит сказать, что, например, А.В. Фёдоров усматривает определённые нравственные основания для введения уголовной ответственности юридических лиц в условиях российского законодательства. Свою позицию он аргументирует тем, что изменения, которые затронули Россию и носят социально-экономический характер, свидетельствует о наличии безнравственного поведения и преступной деятельности не только человека, но и юридического лица. Исходя из этого, данным автором обосновывается возможность введения института уголовной ответственности юридических лиц, причём именно с нравственной позиции [6, с. 17].

Конечно, данный автор учитывает и мнения противников введения такого института. На этот нюанс тоже целесообразно обратить внимание. Например, отмечается невозможность признания за юридическим лицом вины, и исходя из этого обосновывается невозможность в традиционном смысле слова понимать преступление юридического лица [6, с. 18]. Но сугубо формальный подход к вине, исключение из её понимания психологической составляющей, о чем говорилось выше, может преодолеть данный барьер.

Иными словами, то преступление, которое совершается человеком, с позиции противников анализируемого института, не может быть в том же контексте рассмотрено относительно организации. Тем не менее, специфика многих деяний, которые допускают организации, во многом свидетельствует о

близости нарушений по своему характеру преступлениям, оговорённым в нормах УК РФ, во всяком случае, в тех нюансах, которые касаются сугубо экономической деятельности. Не случайно ведь во многих государствах, о чем уже было сказано, рассматриваемый институт действует уже на протяжении многих лет и положительным образом зарекомендовал себя. Более того, этот опыт положительно оценивается и многими отечественными исследователями, о чем тоже уже говорилось.

То есть в целом идеи о введении института уголовной ответственности организаций в России получают широкую поддержку, хотя и не всех исследователей. И надо сказать, что сами теоретические основы такого института именно в России пока ещё относительно слабы. Это проявляется, например, в отсутствии единства в понимании терминологии. Так, в отечественных исследованиях используется множество понятий, обозначающих рассматриваемый институт:

- уголовная ответственность юридических лиц;
- корпоративная уголовная ответственность;
- уголовная ответственность организаций;
- уголовная ответственность коллективных образований;
- коллективная уголовная ответственность [7, с. 12].

Тема терминологии может стать предметом отдельного исследования, поскольку требует учёта многих нюансов. Однако и перечисление данного перечня свидетельствует о том, что единодушие в вопросах уголовной ответственности юридических лиц отсутствует. При этом автору настоящей статьи более близким и уместным представляется понятие «уголовная ответственность юридических лиц», поскольку оно является более конкретным и юридически правильным, во всяком случае если руководствоваться нормами действующего федерального законодательства.

Заключение

Институт уголовной ответственности организаций в современной России может быть введён в целях усиления существующих институтов ответственности, и применительно к тем ситуациям, когда административной или гражданско-правовой ответственности оказывается недостаточно. Особенно это важно в случаях, когда деянием не только формально нарушаются нормы законодательства, но и причиняется реальный вред широкому кругу лиц, в пределах обширной территории, что особенно касается организаций, ведущих деятельность в федеральном или международном масштабе. Но применение подобного инструмента должно быть исключительной мерой.

В качестве аргумента, обосновывающего целесообразность введения уголовной ответственности юридического лица, можно отметить крайнюю затруднительность установления конкретного инициатора, организатора, исполнителя, бенефициара соответствующего нарушения, а также участие в нарушении широкого круга лиц, так или иначе обеспечивающих деятельность юридического лица. Поэтому законодателю следует рассмотреть вопрос о введении уголовной ответственности юридического лица и, соответственно, о дополнении ст. 19 УК РФ, согласно которому, уголовной ответственности подлежит также юридическое лицо, зарегистрированное в установленном порядке. Очевидно, что из этого круга должны быть исключены организации, которые фактически состоят из одного гражданина, либо деятельность которых неразрывно связана с деятельностью государства.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. 40 с.

3. Ершова К.А. Уголовная ответственность юридических лиц: основания и формы реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 206 с.
4. Панаева Л.Е. Институт уголовной ответственности юридических лиц: целесообразность введения на уровне российского уголовного закона // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2(41). С. 86–90.
5. Уголовная и административная ответственность юридических лиц в России и во Франции: монография / Т.Я. Хабриева, А.В. Федоров, М. Беар-Туше и др.; под ред. А.В. Федорова. М., 2018. 200 с.
6. Федоров А.В. К вопросу о нравственных основах уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 4(34). С. 11–22.
7. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как новый вид криминализации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 4(42). С. 11–23.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
2. Volzhenkin B.V. Ugolovnaya otvetstvennost` yuridicheskix licz. SPb., 1998. 40 s.
3. Ershova K.A. Ugolovnaya otvetstvennost` yuridicheskix licz: osnovaniya i formy` realizacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2024. 206 s.
4. Panaeva L.E. Institut ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskix licz: celesoobraznost` vvedeniya na urovne rossijskogo ugolovnogo zakona // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2024. № 2(41). S. 86–90.
5. Ugolovnaya i administrativnaya otvetstvennost` yuridicheskix licz v Rossii i vo Francii: monografiya / T.Ya. Xabrieва, A.V. Fedorov, M. Bear-Tushe i dr.; pod red. A.V. Fedorova. M., 2018. 200 s.

6. Fedorov A.V. К вопросу о нравственны`х основах уголовной ответственности юридических лиц // *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii*. 2022. № 4(34). S. 11–22.
7. Fedorov A.V. Uголовная ответственность юридических лиц как новый вид криминализации // *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii*. 2024. № 4(42). S. 11–23.

Научная статья

УДК 343.615

ПРОБЛЕМА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ДИСКУРСЕ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПОБОЕВ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 6.1.1 КОАП РФ

**Дерлич Драгана, Ph.D., Университет Южной Джорджии, Стейтсборо,
Джорджия, США, dragderlic_st97@gmail.com**

Аннотация

Дискуссия о криминализации побоев, предусмотренных в ст. 6.1.1 КоАП РФ, не прекращается с 2016 г., когда произошла их частичная декриминализация. На сегодняшний день данную проблему государству не удалось решить, что вынуждает исследователей вновь акцентировать внимание на ней. Поэтому автор в поисках решения данной проблемы анализирует содержание статей 6.1.1 КоАП РФ, 116 и 116.1 УК РФ в действующих редакциях, обосновывая при этом фактическую незащищённость граждан от рассматриваемого деяния в контексте уголовного законодательства. Изучается и практика Конституционного Суда РФ, который данной проблемы не усматривает, поскольку декриминализация имела лишь частичный характер. В статье учитывается и позиция межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека, исходя из которой, акты насилия должны преследоваться государством в уголовном порядке. С учётом широкой распространённости и относительной стабильности такого рода преступлений, предлагается внести в законодательство изменения, а именно криминализировать побои, предусмотренные ст. 6.1.1 КоАП РФ, приняв ст. 116 УК РФ в новой редакции. Эта мера рассматривается как одно из средств предупреждения домашнего (бытового) насилия.

Ключевые слова: административная преюдиция, декриминализация побоев, домашнее насилие, криминализация побоев, общественная опасность, побои, УК РФ

Original article

THE PROBLEM OF DOMESTIC VIOLENCE IN THE DISCOURSE ON THE CRIMINALIZATION OF BEATINGS PROVIDED FOR IN ARTICLE 6.1.1 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dragana Derlic, Ph.D., University of South Georgia, Statesboro, Georgia, USA

Abstract

The discussion on the criminalization of beatings provided for in art.6.1.1 of the Administrative Code of the Russian Federation has not stopped since 2016, when they were partially decriminalized. To date, the government has not been able to solve this problem, which forces researchers to focus on it again. Therefore, in search of a solution to this problem, the author analyzes the content of Articles 6.1.1 of the Administrative Code of the Russian Federation, 116 and 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in their current editions, while justifying the actual insecurity of citizens from the act in question in the context of criminal legislation. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation is also being studied, which does not see this problem, since decriminalization was only partial. The article also takes into account the position of interstate bodies for the protection of human rights and fundamental freedoms, based on which acts of violence should be prosecuted by the State. Taking into account the widespread and relative stability of such crimes, it is proposed to amend the legislation, namely to criminalize beatings provided for in Article 6.1.1 of the Administrative Code of the Russian Federation by adopting Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation in a new version. This measure is considered as one of the means of preventing domestic violence.

Keywords: administrative prejudice, decriminalization of beatings, domestic violence, criminalization of beatings, public danger, beatings, Criminal Code of the Russian Federation

Введение

В условиях достаточно высокого уровня правового развития современного Российского государства многие проблемы по-прежнему продолжают оставаться крайне актуальными. Среди них выделяется и проблема так называемого домашнего насилия, ставшая особенно острой в связи с реформированием уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, что выражалось в частичной декриминализации побоев и фактическом переводе их в категорию административных правонарушений.

Решение российского законодателя о декриминализации отдельных деяний, квалифицировавшихся ранее в качестве уголовно наказуемых побоев, вызвало жесткую критику как со стороны общественности, так и со стороны юридического сообщества. Причем эта критика не прекращается, хотя со времени реформы прошел немалый срок. С учётом этого представляется важным рассмотреть вопросы в научном дискурсе и попытаться найти оптимальный вариант решения проблемы.

Основная часть

На момент подготовки данного исследования Уголовный кодекс РФ [1] (далее – УК РФ) содержит две статьи об ответственности за побои:

- ст. 116 – «Побои»;

- ст. 116.1 – «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость».

Данные нормы в их существующей редакции являются результатом реформирования уголовного законодательства, в том числе в части охраны жизни и здоровья граждан. И в этой связи целесообразно более детально их проанализировать, причём именно в контексте возможной криминализации административно наказуемых побоев, о которой пойдёт речь позднее.

Ст. 116 УК РФ в действующей редакции отличается тем, что предусматривает ответственность именно за побои или иные насильственные

действия, если таковые причинили физическую боль, однако не повлекли последствий, указанных в ст. 115 УК РФ (то есть не были сопряжены с причинением вреда здоровью), но совершены:

- из хулиганских побуждений;
- по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Последние перечисленные особенности побоев носят характер альтернативных. То есть достаточно какого-либо одного из признаков для квалификации соответствующего деяния по ст. 116 УК РФ. Что же касается ст. 116.1 УК РФ, то она применяется в случае неприменимости 116 УК РФ, если соответствующий субъект был ранее подвергнут административному наказанию за аналогичное деяние. Наличие судимости является квалифицированным составом и рассматривается аналогичным образом.

Исходя из изложенного, становится очевидно, что причинение побоев без нанесения вреда здоровью, квалифицируемого в качестве преступления, может влечь уголовную ответственность лишь в отдельных случаях. То есть фактически речь идёт о тех обстоятельствах, которые в иных случаях рассматривались бы как отягчающие, но в данном случае они охватываются самим составом преступления.

Соответственно, можно сделать вполне однозначный вывод, что действующее уголовное законодательство не обеспечивает должной защиты гражданам от побоев, если таковые совершаются без определённых отягчающих обстоятельств. И в этой связи необходимо обратиться к нормам Кодекса РФ об административных правонарушениях [2] (далее – КоАП РФ), а именно к ст. 6.1.1, предусматривающей административные санкции за «нанесение побоев или

совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 Уголовного кодекса Российской Федерации, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния».

Таким образом, на решение вопроса об установлении ответственности за нанесение побоев влияют как объективные, так и субъективные обстоятельства. Причём некоторые из них весьма сложно, а в каких-то случаях и невозможно достоверно установить. Но такой подход законодателя к регламентации рассматриваемой ответственности определённо имел под собой основания и с этим вряд ли можно спорить. В частности, дифференциация ответственности позволила в большей мере обеспечить справедливость наказаний, с учётом того, что за ориентир был принят более широкий спектр обстоятельств. И если учитывать, что сама по себе идея дифференциации наказания рассматривается как важнейший принцип ответственности, в том числе в контексте обеспечения справедливости, то, безусловно, аргументы в пользу декриминализации части деяний в виде побоев можно считать обоснованными.

Однако, если посмотреть на проблему с другой стороны, то становится вполне очевидно, что уровень правовой защиты граждан от побоев снизился, поскольку простое нанесение побоев наказывается лишь в административном порядке, по крайней мере при совершении деяния впервые. И, думается, это важнейший аргумент, который укрепляет позиции противников декриминализации побоев и сторонников их криминализации.

Безусловно, нельзя не обратить внимание на мнения, выражаемые в научной литературе относительно проблематики уголовно и административно наказуемых побоев. А они отличаются определённой противоречивостью: часть авторов поддерживает подход законодателя, рассматривая декриминализацию как акт гуманизации уголовного законодательства; другие же исследователи крайне негативно относятся к факту декриминализации побоев, пусть и

частичной, считая это недопустимым относительно охраны жизни и здоровья [7, с. 717].

Заслуживает внимания позиция, выраженная профессором Н.Ю. Скрипченко, исходя из которой уже назрела необходимость пересмотра норм о побоях (в том числе и возврата к редакции до 2016 года), а не решения частных проблем, выявленных в процессе проверки. При этом указанный автор, ссылаясь на статистические данные, приводимые в пояснительной записке к законопроекту об изменении ст. 116.1 УК РФ, подчеркивает, что частичная декриминализация побоев не способствовала улучшению криминогенной обстановки в соответствующей сфере [8, с. 551]. По указанной причине аргументы в пользу криминализации административно наказуемых побоев представляются крайне убедительными.

Но нельзя забывать о том, что вопрос побоев уже ставился перед в Конституционным Судом РФ (далее – КС РФ), в результате чего им было принято Постановление от 14.06.2018 № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях...» [3]. Некоторые выводы и мнения, отражённые в указанном документе, представляют особый интерес с точки зрения анализа проблематики побоев.

Во-первых, КС РФ подчеркнул, что в 2016 г. имела место частичная декриминализация побоев именно как общественно опасного деяния, что особенно важно. То есть КС РФ не указал на то, что фактически декриминализируемые деяния общественной опасности не представляли. Это обстоятельство даёт определённую почву для размышления и порождает определенные вопросы, в частности вопрос о том, перестали ли фактически декриминализированные побои представлять общественную опасность? Полагаем, что не перестали.

Одновременно с этим КС РФ подчеркнул синхронность дополнения КоАП РФ статьёй 6.1.1 об административной ответственности за побои, акцентировав

внимание не на факте декриминализации, а именно на фактической замене уголовной ответственности административной, ввиду чего не усмотрел каких-либо нарушений конституционных положений.

В конечном итоге КС РФ пришёл к следующему выводу: «Если ответственность за деяние смягчена, но не устранена, а само деяние получило другую отраслевую юридическую квалификацию, то его декриминализация при одновременном закреплении тождественного состава административного правонарушения не может рассматриваться как установление нового противоправного деяния, не наказуемого ранее. Такая декриминализация представляет собой смягчение публично-правовой ответственности за совершение соответствующего правонарушения, проявляющееся во введении менее строгих – по сравнению с уголовными – административных санкций, меньшее по степени – по сравнению с уголовно-правовым институтом судимости – ограничение прав при применении мер административной ответственности» [3].

То есть и с позиции законодателя, и с позиции высшего органа конституционного контроля декриминализация побоев есть вполне допустимая правомерная мера, официально не подвергаемая сомнению. Однако было бы не лишним обратить внимание на позицию Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, поскольку практика такова, что во многих случаях потерпевшим в результате побоев становятся именно женщины, сталкивающиеся таким проявлением домашнего насилия.

В Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 2 за 2023 год, опубликованном на официальном портале Верховного Суда РФ, позиция указанного Комитета ООН по рассматриваемой проблеме отражена. В ее рамках Комитет указал, в частности, на обязанность государств-участников возбуждать уголовные дела, передавать нарушителей суду, назначать соответствующие уголовные наказания за акты насилия в отношении женщин. При этом было обращено внимание и на бытовое

насилие [4]. Учитывая данную позицию решение российского законодателя о декриминализации побоев, пусть и частичный, можно рассматривать как некоторое отклонение от норм международного права. Соответственно, решение о криминализации деяния, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ было бы вполне закономерным.

В пользу криминализации рассматриваемого деяния можно привести и массу иных аргументов, особенно учитывая их специфику. Так, побои являются значимой составляющей насильственной преступности, поскольку на них приходится более 30% всех насильственных преступлений, а в общем количестве преступлений они составляют около 4%. Учитывая латентный характер, можно полагать, что реальное количество таких деяний существенно превосходит статистические показатели. Подавляющее большинство актов побоев относится к категории бытовой преступности, а в качестве потерпевших чаще всего выступают супруги или сожители (более 45%), а также дети (более 20%). Причём порядка 95% таких деяний носит ситуационный характер [6, с. 10–9].

Думается, что именно ситуационный характер законодатель учитывал, когда принимал решение о частичной декриминализации побоев. Поэтому рассматриваемый акт гуманизации понять можно. Тем не менее, поддерживать его в рамках данного исследования возможным не представляется. Соответственно, есть основания для выводов в пользу идеи криминализации административно наказуемых побоев.

Здесь надо сказать, что в литературе идеи в пользу криминализации любых побоев часто обосновываются необходимостью решения проблемы домашнего насилия. Но важно разграничивать эти понятия, поскольку сам феномен насилия, особенно в семейно-бытовой сфере, необычайно широк, и в любом случае может в кавычках «распыляться» между неограниченным количеством смежных преступных деяний, в зависимости от конкретных обстоятельств [5, с. 446].

Заключение

Криминализация побоев, предусмотренных ст. 6.11 КоАП РФ не может рассматриваться как мера, которая позволит полностью решить проблему домашнего насилия, поскольку таковое по своей природе представляется более широкой категорией. Однако именно криминализация видится необходимым средством предупреждения посягательств на жизнь, здоровье и прочие смежные ценности, особенно с учетом того, что любое физическое насилие представляет общественную опасность. Для этих целей предлагается внести следующие изменения в действующее российское законодательство:

- признать ст. 6.1.1 КоАП РФ и ст. 116.1 УК РФ утратившими силу;
- ст. 116 УК РФ принять в новой редакции, включающей две части, где первая должна содержать состав, предусмотренный ныне ст. 6.1.1 КоАП РФ, а вторая – состав, предусмотренный в действующей редакции ст. 116 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.06.2018 № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях...» // Российская газета. 2018. № 136 (7599).
4. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 2 (2023) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/32211/ (дата обращения: 22.07.2025).
5. Горшкова Н. А., Родионов К. В. Проблемы уголовно-правовой идентификации семейно-бытового (домашнего) насилия в нормах Уголовного

кодекса Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 3. С. 443–447.

6. Матушкин П.А. Предупреждение побоев и истязаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 30 с.

7. Решетникова Г.А. Криминализация жестокого обращения с совершеннолетними членами семьи // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. Т. 34, № 4. С. 716–721.

8. Скрипченко Н.Ю. Побой: новая редакция – новые проблемы // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 540–552.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 25. St. 2954.

2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 07.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 1 (ch. I). St. 1.

3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.06.2018 № 23-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 1 stat`i 1.7 i chasti 4 stat`i 4.5 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax...» // Rossijskaya gazeta. 2018. № 136 (7599).

4. Obzor praktiki mezhhgosudarstvenny`x organov po zashhite prav i osnovny`x svobod cheloveka № 2 (2023) // Oficial`ny`j sayt Verxovnogo Suda RF. URL: https://www.vsrp.ru/documents/international_practice/32211/ (data obrashheniya: 22.07.2025).

5. Gorshkova N. A., Rodionov K. V. Problemy` ugovolno-pravovoj identifikacii semejno-by`tovogo (domashnego) nasiliya v normax Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. 2023. Т. 9 (75). № 3. С. 443–447.

6. Matushkin P.A. Preduprezhdenie poboev i istyazanij: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2017. 30 s.
7. Reshetnikova G.A. Kriminalizaciya zhestokogo obrashheniya s sovershennoletnimi chlenami sem'i // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «E`konomika i pravo». 2024. T. 34, № 4. S. 716–721.
8. Skripchenko N.Yu. Poboi: novaya redakciya – novy`e problemy` // Permskij juridicheskij al`manax. 2023. № 6. S. 540–552.

Научная статья

УДК 343.631

ЗАВЕДОМОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ КЛЕВЕТЫ

Акимжанов Талгат Курманович, д.ю.н., директор НИИ права при университете «Туран», научный сотрудник НИЦ Алматинской Академии МВД РК имени М. Есбулатова, профессор, заслуженный работник МВД РК, Университет Туран, Алматы, Казахстан, talgatak.kz@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается заведомость в качестве критерия, на основе которого даётся уголовно-правовая оценка клеветы, предусмотренной ст. 128.1 УК РФ. Несмотря на отсутствие в уголовном законодательстве разъяснений по поводу содержания заведомости, представления о ней сформировались достаточно чёткие как в уголовно-правовой доктрине, так и в судебной практике, по крайней мере в практике Верховного Суда РФ. Без сомнения, заведомость отражает субъективную сторону преступления, а именно вину в форме прямого умысла. При этом возможности использования заведомости как самостоятельного признака в литературе оспариваются, что закономерно. Для раскрытия сущности этого понятия рассматриваются материалы судебной практики, в том числе Верховного Суда РФ, а также судов нижестоящих инстанций. На основе этого выделяются некоторые компоненты, которые заведомость характеризуют. Среди них, в частности, наличие достоверного знания о ложности распространяемой информации. Одна из проблем, связанных с учётом признака заведомости и выделяемых в статье, - игнорирование судами необходимости в деталях описывать и аргументировать мотивы, по которым данный признак установлен. С учётом изученных проблем в статье предлагается уточнить в нормах УК РФ содержание данного понятия.

Ключевые слова: добросовестное заблуждение, заведомо ложные сведения, заведомость, клевета, оценочные понятия, прямой умысел, субъективные признаки клеветы

Original article

KNOWLEDGE AS A CRITERION FOR THE CRIMINAL ASSESSMENT OF LIBEL

Talgat Akimzhanov, Doctor of Law, Director of the Research Institute of Law at Turan University, Research Fellow of the Research Center of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Professor, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Turan University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The article considers knowledge as a criterion on the basis of which a criminal assessment of libel is given, provided for in art. 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Despite the lack of explanations in criminal legislation regarding the content of knowledge, ideas about it have formed quite clearly both in criminal law doctrine and in judicial practice, at least in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Without a doubt, knowledge reflects the subjective side of the crime, namely guilt in the form of direct intent. At the same time, the possibility of using knowledge as an independent feature in the literature is disputed, which is natural. To reveal the essence of this concept, materials of judicial practice are considered, including the Supreme Court of the Russian Federation, as well as courts of lower instances. Based on this, some components are identified that knowingly characterize. Among them, in particular, the presence of reliable knowledge about the falsity of the disseminated information. One of the problems associated with taking into account the sign of knowingness and highlighted in the article is that the courts ignore the need to describe and argue in detail the motives for which this sign is

established. Taking into account the problems studied, the article proposes to clarify the content of this concept in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: conscientious error, knowingly false information, knowingly, slander, evaluative concepts, direct intent, subjective signs of slander

Introduction

Know-how as a mandatory criterion (sign, condition) of criminal-legal assessment of libel, causes a lot of controversy, for which there are objective reasons. Within the framework of Russian criminal legislation, the concept of knowingly or knowingly false is not specified, and explanations given by the Supreme Court of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Supreme Court of the Russian Federation) or the Constitutional Court of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Constitutional Court of the Russian Federation) often turn out to be extremely vague and generalized. All this does not contribute not only to uniform judicial practice, but also to the full realization by citizens of their constitutional rights in both criminal and civil legal relations.

In these circumstances, there is an urgent need for a thorough study of the phenomenon of knowingness in relation to criminal libel, especially given the lack of scientific development of the problem and the inconsistency of judicial practice.

The main part

Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation [1] treats libel as "spreading deliberately false information that discredits the honor and dignity of another person or undermines his reputation".

Here, the main emphasis should be placed precisely on the sign of knowingness, which in general is a component of the characteristic of the subjective side of the criminal act in question. Moreover, knowingness is also mentioned in the framework of regulating many other criminal acts, but the essence of this concept is not disclosed. This is what creates difficulties in understanding the relevant aspect not only in scientific and theoretical terms, but also in practical and law enforcement terms.

The sign of knowingness as mandatory is also present in the framework of other elements of the crime under consideration, provided for in parts 2, 3, 4, 5 of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. For example, Part 4 of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for liability for defamation that a person suffers from a disease that is dangerous to others. In this case *caseзаведомость*, knowledge means that the person knows that the victim does not have a corresponding disease that poses a danger to others, but, nevertheless, distributes information to the contrary.

It is noteworthy that the legislator decided to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with Article 298.1, which provides for liability for libel against a judge, juror, prosecutor, investigator, person conducting an inquiry, employee of enforcement agencies.

It is difficult to say how reasonable such a decision was, because both *de jure* and *de facto* the composition provided for in Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation could also be applied to cases of defamation against any persons, including those currently mentioned in Article 298.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. It seems that the legislator wished to additionally highlight measures of legal protection for persons engaged in law enforcement and ensuring justice. But regardless of this, the essence of the last mentioned crime as a whole also implies the presence of a sign of knowingness.

You should pay attention to Article 5.61.1 of the Administrative Code of the Russian Federation introduced in 2020 [2], which provides for the administratively punishable composition of libel provided for. It also has the attribute for *vedomosti*. That is, within the framework of whatever industry libel is considered, it is always based on knowledge.

Some explanations regarding the crime in question as a whole, including its subjective side, were given. By the Supreme Court of the Russian Federation. In one of the Definitions. The court explained that the content of the subjective side of the crime under Part 1 of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is

characterized by direct intent, that is, the person's awareness of the fact of spreading deliberately false information that discredits the honor and dignity of another person or undermines his reputation, and the desire to commit these actions. At the same time, in the framework of the case under consideration, specific circumstances and evidence indicating the presence of these signs in the actions of the accused are not given in the verdict. Moreover, the court session did not present sufficient evidence of the deliberate falsity of the information disseminated by the accused, as well as evidence confirming that this information in any way discredited the honor and dignity of the private prosecutor and undermined his reputation [3].

In the framework of the case described above, the Supreme Court of the Russian Federation reflected in general the essence of the sign of knowingness. And here it should be noted that *заведомость*knowingness somehow reflects the presence of direct intent, and there is no doubt about it. Moreover, the intent is connected precisely with the desire or goal to discredit the honor, dignity or reputation of another subject.

It is important to note that in each case, the court must establish specific circumstances that confirmknowledge. That is, a simple indication that the act was committed deliberately is not enough. And this, in turn, means that *заведомость*knowledge can never be fully identified with guilt (guilt is a broader concept, *заведомость*knowledge is only an aspect of it) and can be established on formal grounds. The courts of lower instances did not comply with such requirements.

This case is very revealing, as it reflects the courts' disregard of the need to detail the content of knowingness in the act of a particular accused, to argue for its existence in the event of a guilty verdict, when considering criminal cases of libel. We believe that this practice is widespread, and, of course, it is necessary to counteract it by all means.

The origins of this problem are seen in the very imperfection of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, which does not specify the essence of knowingness, which means that the subjects of law enforcement activities do not quite understand what exactly to focus on when establishing the sign of knowingness.

In the legal community, the issue of proof *заведомости* of knowingness is often discussed, and in this regard, in particular, it is noted that if a citizen is sure that the information he distributes contains truthful data, although in fact they are false, he cannot be held criminally liable under the "libel" clause. By themselves, certain false information cannot serve as a basis for bringing a person to criminal responsibility, unless it is proved that the appeal had no grounds, but was deliberately dictated by the intention to slander and cause harm to another person [6].

It is noteworthy that not all authors pay attention to the sign of knowingness, even in detail analyzing the composition of the crime in question [8]. This indicates its underestimation. And it seems that the same problem occurs in law enforcement practice, when the courts do not properly argue the motives on the basis of which they see the accused in the act. For the statement.

Meanwhile, the literature also emphasizes that it is impossible to bring a person to justice under Part 2 of Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation without establishing the sign of "knowingness", which assumes that, when committing an act, the subject is aware of the public danger of his actions, understands the falsity (exactly knows about the falsity of the information he reports) of the disseminated information, that this information discredits the honor and dignity of another person, undermines his reputation. If a criminal is sure that he is spreading truthful information, although in fact it is false, i.e. he is conscientiously mistaken about whether it corresponds to reality, then he cannot be held liable for libel. That is, law enforcement agencies should accurately and correctly establish the characteristics of the subject of the crime and the victim, the specifics of the act, as well as the presence of a subjective component of the deed every time they qualify defamation, including those committed publicly using information and telecommunications networks, including the Internet [9, p.107].

Thus, *заведомость* knowledge cannot take place in the case when there is a conscientious misconception about the compliance of the disseminated information with reality. This is also evidenced by some examples of judicial practice, not only

criminal or administrative, but also related to the consideration of civil claims in connection with the recovery of compensation for libel [5].

It should be noted that often in judicial practice there are situations when the victims themselves see in someone's actions the composition of criminal libel, even if there is no knowledge of the relevant actions. Thus, in one of the cases of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction, justifying its conclusion, it indicated that no evidence and circumstances indicating the spread of Z. had been presented or established. information about F., discrediting his honor, dignity, and undermining his reputation, since the statements of the justified Z. They were of a personal, subjective nature, she expressed her own opinion and expressed a critical assessment of F.'s actions, while the acquitted woman had no intention of spreading information discrediting the honor and dignity of a private prosecutor, and the events themselves described in F.'s statement were not established. during the interrogation of witnesses and examination of evidence, both the prosecution and the defense. In this connection, the court recognized Z. not guilty of libel, having acquitted her for not establishing the actual event of the crime [4].

We should partly agree with Professor N. I. Pikurov that the word "know-how" is absent from dictionaries of the Russian language, although it is quite often found in the legal literature. Due to the fact that the semantics of the words "knowingly", "knowingly", "knowingly" primarily concerns awareness of any circumstance or property of the object, tools, means of committing a crime, in the legal literature the term "knowingly" is usually considered in the context of the subjective side of the crime composition. Despite the fact that the term under consideration is related to its subjective side, it, in the opinion of the specified author, cannot be considered as its independent feature. The use of the construction of knowingness in legislative technique заведомости is caused by the need to differentiate the intellectual, and in some cases, the volitional component of a person's mental attitude to the act being committed [7, p. 67].

Conclusion

Заведомость Knowledge is now an integral part of criminal libel and reflects in general the aim of the subject of a crime to discredit the honor, dignity, and business reputation of a person by spreading such information that does not correspond to reality, despite the fact that the subject of the crime himself knows about this discrepancy.

Often, it is the lack of proof of knowledge that becomes a key obstacle that does not allow an individual to be held accountable. And the argument that indicates the absence of knowledge is a conscientious error. For this reason, it is important to preserve the sign of knowingness within the framework of the analyzed corpus delicti. At the same time, there is a need to clarify the meaning of this concept in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation. We believe that for this purpose, knowledge should be defined as a characteristic of guilt, reflecting the individual's reliable knowledge of the falsity of the information being disseminated and the desire to disseminate it precisely for the purpose of causing harm to interests protected by criminal law.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
3. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.12.2024 по делу № 1-УД24-6-КЗ // Официальный портал Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2432296 (дата обращения: 15.06.2025).
4. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.05.2025 по делу № 7У-1910/2025 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL:

<https://sudrf.cntd.ru/document/1312956153?section=text> (дата обращения: 15.06.2025).

5. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 06.08.2015 по делу № 33-8881/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Арстанова А. ВС напомнил, какие признаки необходимо установить суду для признания лица виновным в клевете (27 января 2025 г.) // Портал Адвокатской газеты. URL <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-napomnil-kakie-priznaki-neobkhodimo-ustanovit-sudu-dlya-priznaniya-litsa-vinovnym-v-klevete/> (дата обращения: 15.06.2025).

7. Пикуров Н.И. «Заведомость» как элемент конструкции уголовно-правовой нормы: проблемы квалификации преступлений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 4(116). С. 66–74.

8. Чередниченко Е.Е. Клевета, предусмотренная ч. 2 ст. 128.1 УК РФ: проблемы толкования и правоприменения // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 4. С. 124–128.

9. Шаганова О.М. Особенности квалификации клеветы, совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 2(89). С. 103–108.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 07.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 1 (ch. I). St. 1.
3. Kassacionnoe opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 17.12.2024 po delu № 1-UD24-6-KZ // Oficial`ny`j portal Verxovnogo Suda RF. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2432296 (data obrashheniya: 15.06.2025).

4. Postanovlenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 15.05.2025 po delu № 7U-1910/2025 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1312956153?section=text> (data obrashheniya: 15.06.2025).
5. Apellyacionnoe opredelenie Volgogradskogo oblastnogo suda ot 06.08.2015 po delu № 33-8881/2015 // SPS «Konsul`tantPlyus».
6. Arstanova A. VS napomnil, kakie priznaki neobxodimo ustanovit` sudu dlya priznaniya licza vinovny`m v klevete (27 yanvarya 2025 g.) // Portal Advokatskoj gazety`. URL <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-napomnil-kakie-priznaki-neobkhodimo-ustanovit-sudu-dlya-priznaniya-litsa-vinovnym-v-klevete/> (data obrashheniya: 15.06.2025).
7. Pikurov N.I. «Zavedomost`» kak e`lement konstrukcii ugovorno-pravovoj normy`: problemy` kvalifikacii prestuplenij // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2024. № 4(116). S. 66–74.
8. Cherednichenko E.E. Kleveta, predusmotrennaya ch. 2 st. 128.1 UK RF: problemy` tolkovaniya i pravoprimeneniya // Pravovaya politika i pravovaya zhizn`. 2017. № 4. S. 124–128.
9. Shaganova O.M. Osobennosti kvalifikacii klevety`, sovershennoj publichno s ispol`zovaniem informacionno-telekommunikacionny`x setej, vklyuchaya set` Internet // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2023. T. 29, № 2(89). S. 103–108.

Научная статья

УДК 343.150.1

ПРАВО СУДЬИ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ СВОЕЙ СОВЕСТЬЮ КАК УСЛОВИЕ СВОБОДЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ГАРАНТИРОВАННОЙ СТ. 17 УПК РФ

**Толочко Ольга, д.ю.н., доц., Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, tolochkoolgabsu@rambler.ru**

Аннотация

Право судьи руководствоваться совестью при принятии юридически значимых решений, особенно при рассмотрении уголовных дел, закреплено на законодательном уровне. Соответствующую норму содержит, например, ст. 17 УПК РФ. Однако, смысл этого понятия не раскрывается ни в УПК РФ, ни в других законодательных или подзаконных актах, ни в актах Верховного или Конституционного судов РФ. Однако некоторые положения законодательства, содержание близких совести категории и многие научные труды дают возможность для размышлений о правовом содержании совести, в том числе совести судьи и смысле права судьи руководствоваться своей совестью. В статье изучается исторический аспект появления совести в юриспруденции; исследуются разные подходы к трактовке данного понятия; раскрывается авторское понимание совести как правового явления и выделяются некоторые её основополагающие составляющие. Затронут также вопрос внутреннего убеждения в контексте совести. Особое внимание статье ориентировано на поставленный в 2005 году вопрос о соответствии ст. 17 УПК РФ конституционным нормам, хотя проблема совести в нем и не была затронута. Чрезвычайно важной проблемой автор видит выражаемые в литературе сомнения в целесообразности признания совести правовой категорией и ориентиром для судьи, и в этой связи обосновывает необходимость её присутствия в нормах УПК РФ.

Ключевые слова: вынесение приговора, права судьи, принципы оценки доказательств, свобода оценки доказательств, свобода совести, совесть судьи, судейская этика

Original article

**THE RIGHT OF A JUDGE TO BE GUIDED BY HIS CONSCIENCE AS A
CONDITION FOR THE FREEDOM TO EVALUATE EVIDENCE,
GUARANTEED BY ARTICLE 17 OF THE CODE OF CRIMINAL
PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Olga Tolochko, Doctor of Law, Associate Professor, Belarusian State University,
Minsk, Belarus**

Abstract

The right of a judge to be guided by conscience when making legally significant decisions, especially when considering criminal cases, is enshrined in law. The corresponding norm contains, for example, Article 17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. However, the meaning of this concept is not disclosed either in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, or in other legislative or by-laws, or in acts of the Supreme or Constitutional Courts of the Russian Federation. However, some legislative provisions, the content of categories close to conscience, and many scientific works provide an opportunity for reflection on the legal content of conscience, including the conscience of a judge and the meaning of a judge's right to be guided by his conscience. The article examines the historical aspect of the appearance of conscience in jurisprudence; examines different approaches to the interpretation of this concept; reveals the author's understanding of conscience as a legal phenomenon and highlights some of its fundamental components. The issue of inner conviction in the context of conscience is also touched upon. The article focuses on the issue of compliance with Article 17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with constitutional norms, which was raised in 2005, although the problem of conscience was not addressed in it. The author sees as an extremely

important problem the doubts expressed in the literature about the expediency of recognizing conscience as a legal category and a guideline for judges, and in this regard justifies the need for its presence in the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: sentencing, judge's rights, principles of evidence assessment, freedom of evidence assessment, freedom of conscience, judge's conscience, judicial ethics

Введение

Совость, находящаяся в числе базовых категорий права, философии, этики, психологии, также многих других сфер знания, нередко рассматривается законодателем в качестве ориентира поведения в целом и в том числе ориентира при принятии юридически оцениваемых решений. В качестве немаловажного ориентира совесть выступает в случае оценки доказательств и вынесения приговора в рамках уголовного процесса, о чем свидетельствуют положения ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1] (далее – УПК РФ), а также некоторые нормы других отраслей законодательства, в частности, ст. 8 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [2], содержащая текст клятвы судьи с упоминанием совести. Тем не менее, трактовка понятия «совость» в законодательстве отсутствует. Это вносит затруднение в понимание того, что же на самом деле является ориентиром для судьи, ведь совесть может рассматриваться в самых разных аспектах.

Основная часть

Внимание к проблеме совести продиктовано в данном случае не только научным интересом, ведь именно в основе свободы оценки доказательств лежит совесть, которой судья должен руководствоваться, согласно ст. 17 УПК РФ. Законодатель, формулируя указанную норму, как мы полагаем, ориентировался не столько на юридический, сколько на нравственно-этический аспект, который, безусловно, не может игнорироваться при принятии юридически значимых решений любым человеком, в том числе и судьёй.

И когда речь ведётся о совести, то, очевидно, подразумеваются самые благие намерения, принципы и те нематериальные ценности, которые всегда ценились обществом, государством и человеком в целом, хотя и понимались эти ценности по-разному. Считаем, что к ним можно отнести, в частности:

- справедливость;
- добросовестность;
- незлоупотребление правом, полномочиями, положением;
- гуманность и пр.

Но это лишь взгляд автора статьи на рассматриваемый феномен. Что же подразумевает под совестью законодатель, на данный момент неизвестно, и можно лишь полагать.

Здесь нельзя не обратить внимание на некоторые примеры судебной практики, которые отражают место совести в числе ориентиров при принятии решения судьей в рамках рассмотрения уголовного дела.

Так, в 2005 г. Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) рассматривал жалобу гражданина Б. относительно соответствия Конституции именно ст. 17 УПК РФ [5]. Указанный гражданин, ставя под сомнение конституционность данной нормы, полагал, что вынесший приговор судья основывался только на показаниях потерпевшего, необоснованно отклоняя показания свидетелей защиты. КС РФ счёл жалобу необоснованной и обратил внимание на некоторые весьма значимые аспекты. В частности, было отмечено отсутствие в ст. 17 УПК РФ положений, которые бы допускали возможность произвольной оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи. В этом смысле принцип свободной оценки доказательств на основе собственных убеждений и совести судьи, как справедливо подчеркнул КС РФ, дополняется обязанностью учитывать совокупность доказательств.

К сожалению, в указанном акте КС РФ не пояснил содержание понятия совести, хотя и упомянул ее, оценивая нормы УПК РФ. Тем не менее, выраженная

позиция однозначно свидетельствует о некотором дополнительном характере совести в качестве ориентира при оценивании доказательств.

Думается, что суть совести именно применительно к деятельности судьи российский законодатель мог бы конкретизировать в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации», в контексте формулирования текст присяги судьи, где упоминается как добросовестность, так и совесть. Однако законодатель этого не пожелал сделать.

Кодекс судейской этики [4] тоже не стал местом разъяснения правового смысла указанного понятия. Тем не менее, на некоторые его положения следует обратить внимание. Так, в ряде норм, в том числе в ст. 11, упоминается о добросовестности судьи как условии, критерии, принципе, которому должна соответствовать и его деятельность в целом и принимаемые решения в частности. Прежде всего, он должен добросовестно выполнять свои обязанности.

Надо заметить, что вообще в российском законодательстве слово «совесть» употребляется не вполне однозначно. Например, помимо упоминания совести как некоего ориентира для судьи, совесть упоминается и в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» [3]. Однако специфика этого закона в том, что совесть употребляется в больше мере в религиозном контексте, контексте верования. Соответственно, становится не вполне понятно, уместно ли свободу совести, рассматриваемую в контексте указанного федерального закона, распространять на какие бы то ни было сферы деятельности человека, в том числе на сферу правосудия, где тоже имеет место данная ценность.

Полагаем, что понимание совести как ориентира духовного в рамках этого закона является более широким, нежели в контексте профессиональной деятельности, в том числе деятельности судейской. И, говоря о праве судьи ориентироваться на свою совесть, законодатель, как мы считаем, все же желал придать ей определённые рамки, хотя и не уточнил их.

Следует подчеркнуть, что рассмотрение совести именно в юридическом контексте имеет весьма давнюю историю. С научной точки зрения этот феномен стали рассматривать З. Фрейд и А. Эренцвейг, указывая на его биологическую обусловленность, связь с эмоциональными переживаниями личности, эмпатией, которая и порождает совесть в качестве формы нравственного самоконтроля индивида, основанного на представлениях о добре и зле [7, с. 24]. То есть природа совести по своей характеру является не столько социальной, сколько биологической, врождённый. И исходя из этого усматривается некоторая объективная составляющая в её основе.

Сама идея признания совести в качестве юридически значимого ориентира для судей во многом обосновывается формулой Радбруха, смысл которой в целом базируется на тезисе о том, что право всегда имеет приоритет, даже при его несправедливости и нецелесообразности. Однако в крайних случаях, когда несправедливость становится вопиющей, решение спора отдаётся на совесть судьи [7, с. 25]. Иными словами, совесть выступает дополнительным средством обеспечения справедливости применительно к тем случаям, когда закон чрезмерно суров. Поэтому отношение к совести, как явлению правовому, исключительно положительное. Проблема лишь в недостаточно конкретной его урегулированности.

Отсюда и чрезмерная субъективность принимаемых судебных актов, в том числе и далёких от законности, характеризующихся чрезмерной вольностью трактовки доказательств [6].

В работе Г.В. Ожигановой совесть характеризуется как высшая внутренняя инстанция в системе нравственной регуляции поведения человека, проявляющая себя во всей полноте в высших моральных способностях, в виде совестной рефлексии [8, с. 64].

В исследовании Т.В. Якушевой и М.А. Стародубцевой совесть судьи описывается в качестве его индивидуальной способности к самоконтролю, причём именно в контексте уголовно-процессуального закона и справедливости.

Причём акцент делается на практико-ориентированном содержании совести её опоре на развитое правосознание и правовую культуру судьи [10]. Конечно, в данном случае формальная, объективная составляющая неразрывно соседствует с субъективной, неформальной. Иными словами, именно закон создаёт некоторые ориентиры, а взгляд на эти ориентиры судья формирует исходя из своего субъективного видения.

Однако некоторые нюансы, касающиеся употребления в нормах УПК РФ категории «совесть» вызывают вопросы. Особое внимание на них обращено в работе Н.К. Панько. Данным автором справедливо сравнивается советское уголовно-процессуальное законодательство и современное, причём не в пользу последнего. В УПК РСФСР 1960 г. неотъемлемой составляющей разбирательства было установление истины по делу, в настоящее же время, сетует указанный автор, правоприменитель в рамках уголовного процесса обязан устанавливать истину [9, с. 284]. Уместно ли говорить в таком случае о совести? Думается что да, хотя не все с этим солидарны.

Вообще совесть может пониматься в качестве чувства нравственной ответственности за собственное поведение перед обществом и конкретными людьми, которые индивида окружают [9, с. 285]. Иными словами, совесть может отождествляться с чувством долга, пусть и условно.

Исходя из этого понимания, указанном автором высказывается мнение о том, что упоминание совести является неуместным в условиях, когда объективную истину по уголовному делу устанавливать необязательно. Обосновывая этот тезис, он приходит к выводу о том, что фактическая и юридическая совесть — это категория неопределённая, а потому руководствоваться ей в рамках уголовных правоотношений невозможно [9, с. 290]

Данного автора можно поддержать отчасти. Нам тоже представляется важным признание необходимости установления истины по делу, и лишь в этом случае уместно говорить о принятии решения «по совести». Однако если

учитывать суровые реалии российской уголовно-правовой системы, то отчасти можно согласиться с тем, что руководство совестью – это идея утопическая. В ней отражается отчуждение закона от интересов общества. Совесть – это во многом характеристика индивидуальная, присущая только конкретной личности, и в чем-то даже специфическая; и в таком специфическом качестве переносится на правоприменительную деятельность [9, с. 290-291].

Безусловно, такое видение имеет право на существование. И если исходить из него, то совесть можно поставить под сомнение в качестве ориентира для принятия судебного решения. Однако в комплексе с нормами права совесть представляется более конкретной, более устойчивой категорией, которая может быть вполне определена нормативно.

Исходя, исходя из этого, ставить под сомнение совесть как некий ориентир для деятельности судьи представляется неуместным. Тот факт, что данная категория никоим образом не конкретизирована, не означает, что она должна игнорироваться, и исключаться из числа тех ориентиров, которые традиционно принято признавать и в российском обществе, и в целом в мире в качестве социальных ценностей.

В обоснование недопустимости отказа от упоминания совести в числе ориентиров судьи, нельзя не отметить и тот факт, что российское законодательство, в том числе уголовно-процессуальное, изобилует разного рода оценочными категориями. И вопрос об их исключении не ставится. Особенно это относится к этическим аспектам правового регулирования.

Заключение

Совесть есть морально-нравственный ориентир поведения судьи, основанный на правосознании, уважения к государству, обществу и личности, выраженный в чувстве долга и ответственности перед обществом, государством, человеком, и готовности действовать в соответствии с этим чувством.

Предлагаемый высший подход к трактовке совести. Представляется уместным закрепить. Нормативно. Одновременно с этим. Важно не ставить под

сомнение целесообразность сохранения. Совести в числе ориентиров. В соответствии с которым Судья действует в рамках уголовного или любого иного судопроизводства.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (I часть). Ст. 4921.
2. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 26. Ст. 2399.
3. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
4. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012; ред. от 01.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2005 № 45-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бутусова Михаила Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Асянов Р. Насколько допустимы недопустимые доказательства? // Новая адвокатская газета. 2011. № 9 (98).
7. Нерсисянц А.В. Психоаналитическая юриспруденция Альберта Эренцвейга // Труды ИГиП РАН. 2024. Т. 19, № 3. С. 11–31.
8. Ожиганова Г.В. Совесть как высшая моральная способность // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 4. С. 62–66.
9. Панько Н.К. Категория совести в российском уголовном судопроизводстве и ее соотношение с проблемой установления истины по уголовному делу // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 3. С. 282–291.

10. Якушева Т.В., Стародубцева М.А. Совесть судьи при оценке доказательств для постановления приговора как конституционная гарантия государственной защиты прав подсудимого // Концепт. 2019. № 1.

References

1. Ugolovno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 23.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 52 (I chast'). St. 4921.
2. Zakon RF ot 26.06.1992 № 3132-1 (red. ot 10.07.2023) «O statute sudej v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 26. St. 2399.
3. Federal'ny'j zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ (red. ot 31.07.2025) «O svobode sovesti i o religiozny'x ob''edineniyax» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1997. № 39. St. 4465.
4. Kodeks sudejskoj e'tiki (utv. VIII Vserossijskim s''ezdom sudej 19.12.2012; red. ot 01.12.2022) // SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25.01.2005 № 45-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby' grazhdanina Butusova Mixaila Sergeevicha na narushenie ego konstitucionny'x prav chast'yu pervoj stat'i 17 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Asyanov R. Naskol'ko dopustimy' nedopustimy'e dokazatel'stva? // Novaya advokatskaya gazeta. 2011. № 9 (98).
7. Nersesyancz A.V. Psixoanaliticheskaya yurisprudenciya Al'berta E'renczvejga // Trudy' IGiP RAN. 2024. T. 19, № 3. S. 11–31.
8. Ozhiganova G.V. Sovest' kak vy'sshaya moral'naya sposobnost' // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psixologiya. Sociokinetika. 2020. T. 26, № 4. S. 62–66.
9. Pan'ko N.K. Kategoriya sovesti v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve i ee sootnoshenie s problemoj ustanovleniya istiny' po ugolovnomu delu // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2019. № 3. S. 282–291.

10. Yakusheva T.V., Starodubceva M.A. Sovest' sud'i pri ocenke dokazatel'stv dlya postanovleniya prigovora kak konstitucionnaya garantiya gosudarstvennoj zashhity' prav podsudimogo // *Koncept*. 2019. № 1.

Научная статья

УДК 343.144.5

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

**Самараратне Динеша, Ph.D., профессор публичного и международного
права, Юридический факультет Университета Коломбо, Коломбо,
Западная провинция, Шри-Ланка, dinesha_s.lk@mail.ru**

Аннотация

Проблема использования полиграфа в уголовном процессе традиционно является одной из актуальнейших, причина чего видится в наличии противоречий в нормах действующего уголовно-процессуального законодательства и законодательства об оперативно-розыскной деятельности. Использование полиграфа в уголовном процессе обычно рассматривается как недопустимое действие, хотя и находит применение, как правила, с согласия допрашиваемого (опрашиваемого) субъекта. Что же касается оперативно-розыскной деятельности, то использование полиграфа в ее рамках весьма широко применяется, причём законность обычно не обсуждается. Отсюда и противоречия, поскольку результаты оперативно-розыскной деятельности, так или иначе, могут быть использованы в рамках доказывания по уголовному делу. Противоречивые мнения относительно применения полиграфа, высказываемые в науке, не позволяют прийти к однозначному выводу и законодателю, который не устанавливает ни конкретных запретов, ни конкретных норм, позволяющих полиграф применять. Многие вопросы, касающиеся применения полиграфа, носят не столько юридический, сколько технический или психологический характер, что тоже затрудняет поиск ответов на них в контексте юридической проблематики. В статье аргументируется позиция, обосновывающая недопустимость применения полиграфа вопреки согласию опрашиваемого или допрашиваемого субъекта, также предлагается внесение изменений в нормы законодательства.

Ключевые слова: детектор лжи, доказательства, иные доказательства, недопустимые доказательства, полиграф, психофизиологическое исследование, УПК РФ

Original article

CONTROVERSIAL ASPECTS OF THE USE OF A POLYGRAPH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

**Dinesha Samararatne, Ph.D., Professor of Public and International Law,
Faculty of Law, University of Colombo, Colombo, Western Province, Sri Lanka**

Abstract

The problem of using a polygraph in criminal proceedings is traditionally one of the most urgent, the reason for which is seen in the presence of contradictions in the norms of the current criminal procedure legislation and legislation on operational investigative activities. The use of a polygraph in criminal proceedings is usually considered an unacceptable act, although it is applied as a rule with the consent of the interrogated (interrogated) subject. As for operational investigative activities, the use of a polygraph in its framework is very widely used, and legality is usually not discussed. Hence the contradictions, since the results of operational investigative activities, one way or another, can be used as evidence in a criminal case. The contradictory opinions expressed in science regarding the use of the polygraph do not allow the legislator to come to an unambiguous conclusion, which does not establish either specific prohibitions or specific norms that allow the polygraph to be used. Many questions regarding the use of a polygraph are not so much legal as technical or psychological in nature, which also makes it difficult to find answers to them in the context of legal issues. The article argues the position justifying the inadmissibility of using a polygraph against the consent of the interviewee or the interrogated subject, and also proposes amendments to the legislation.

Keywords: lie detector, evidence, other evidence, inadmissible evidence, polygraph, psychophysiological examination, Criminal Procedure Code of the Russian Federation

科学文章

测谎测在刑事诉讼程序测谎测在刑事诉讼程序

Samararatne Dinesha, 博士学博士, 教授公法和国际法, 科伦坡大学法学院、
科伦坡、西部省、斯里兰卡、dinesha_s.lk@mail.ru

注释

问题时使用测谎测在刑事诉讼程序是传统上的一个最紧迫, 因为这被认为是在存在矛盾的准则, 当前的刑事诉讼立法和关于业务的搜索活动。使用的测谎测在刑事诉讼程序通常被认为是不可接受的行动, 尽管它通常是用同意讯问题。作为业务的搜索活动, 使用的测谎测在它的框架是非常广泛的应用, 以及合法性通常不讨论。因此矛盾的, 因为结果的操作搜索活动, 一种或另一种方式, 可以用作证据在刑事案件。相互冲突的意见, 关于采用的测谎, 表示在科学, 不允许立法者来到一个明确的结论, 而不建立具体禁止或具体准则允许测谎仪的使用。许多有关的问题, 使用的测谎不是很多法律, 但是相当技术或心理性质的, 这也使得难以找到他们的答案在上下文中的法律问题。文章认为, 位置理由不予受理的使用测谎仪对同意的问题正在接受采访或审问, 并且建议修订立法。

关键词: 测谎的证据, 其他证据, 来文不可受理的证据, 测谎仪心理生理学研究, 《刑事诉讼法》的俄罗斯联邦

介绍

关问题的可能性和权宜之计的使用测谎仪也称为一种 детектером 测谎, 在理论和实践的刑事诉讼程序还没有来到一个明确的位置, 尽管有非常具体的

解释由最高法院的俄罗斯联邦[;]。这意味着审议的议题仍然是开放的和极其相关。

在俄罗斯科学截然相反的意见表达。发生类似情况之间的代表的正式结构。此外，这是绝对不可能说，其立场是更有说服力-支持者使用的测谎测或对手。

在此基础上，提交人认为他的任务，作为分析的立法、司法实践中，最常见的意见，在科学有关使用的测谎测，并寻找方法来消除分歧。

主要的部分

一个测谎仪是一个特殊技术工具，记录中的动态的心理生理反应的审查的人所提出的问题通过翻译的生理指标的体成电信号显示在图的形式，共同形成一个宝丽金 [pp.52-53].

出于这个原因，这种装置已成为相当普遍存在的业务的搜索活动往往是用于刑事诉讼程序。而且，文献中常常表示的合法性的利用其获得必要的信息在所有类型的法律诉讼程序[， p. 53]. 虽然这个问题很有争议，因为还有其他意见。

当然，有一些理由相信，它是可允许使用一个专家意见结果的心理生理检查使用测谎测在刑事诉讼程序，因为《刑事诉讼法》的俄罗斯联邦[]提供的类别"其他证据的证明"。

另一方面，也有反对承认这一工具及获得的证据其帮助可允许的。事实上，结果这样的研究可以影响相当广泛的因素，包括情感状态的主题、指标他

的身体健康和个人的信仰。此外，还有一些科学证实的结论，呼吁成问题信息的可靠性得到使用测谎仪。

一些规定允许使用的测谎测包含在联邦法律第 144-FZ12.08.1995(经修正的关于 28.02.2025)"业务的搜索活动"[]. 因此，第 6 条规定，当进行业务搜索活动(OPD)，调查作为一种操作搜索的事件(OPM)，并在进行，"信息系统、视频和音频录制、电影和摄影，以及其他技术和其他装置，并不造成损害的生活使用。"健康的人民和不会引起对环境的损害。" 显然，测谎仪非常适合进入组合的"其他技术和其他手段"。因此，这肯定是可接受的使用它的框架内 ORD。

这也给出理由的某些结论，特别是关于足够的规律性的管理框架的使用印刷设备，在 ORD，特别是在解决严重和特别严重罪行[, p. 53].

同时，《刑事诉讼法》的俄罗斯联邦允许使用的结果 ORD(如果一定的程序)以及在该框架中的刑事诉讼程序。因此，使用的测谎测的框架内 ORD 在一种或另一种方式可以应用获得的结果与其有助于在刑事诉讼程序。

在这方面，绝对有道理要区分两个区域的使用测谎仪的工作在打击犯罪：第一，在框架的 ORD，和第二，在该框架中的刑事诉讼程序[.]

值得注意的是，冲突的支持者和反对者之间所使用的测谎概述了在苏联时代，并随后加强了在通过联邦法"对 ORD"。此外，支持者之间的使用测谎仪也有一些人建议考虑拒绝测试在它作为一个基础，清楚地提供了一个机会，以怀疑的真实性，这些指示。这样的专家实际上有利于强制性测谎仪测试。他们最有原则的反对者断然否认的科学性和合法性的进行这种类型的专业知识[.]

我必须说，该立场的支持者和反对者使用测谎不是没有一定的理由，但也有些理由怀疑他们。因此，他认为，国家法医机构将不能够进行研究使用测谎，直到他们地位的一个独立的种类型的专业知识和部门的法律行为对执行的法医专业知识的介绍。在此基础上，单独的调查员不接受这样的专家意见为他们自己生产的[]。也许有理由支持这一立场。然而，提供合适的设备进行保养使得有可能使用的测谎测的框架内 OPD，包括进一步利用这些结果在刑事诉讼程序，因为《刑事诉讼法》的俄罗斯联邦允许这样做。

然而，不可否认的是，该结论中所载的专家意见是，首先，他的结论，其中他提出了基于结果的信息提供或透露过他有关对象的研究，以及一般的科学和实际位置的某些领域的知识。也就是，得出的结论的测谎器检查者("没有说谎检测"或"骗检测")是只有他的主观意见，这可能是截然相反的意见，他的同事们。后重新审查，以前提出的结论可能是不同的[]。

这给出理由充分的怀疑关于允许使用测谎器作为手段获取的证据。但司法实践充满了事实，当测谎仪是仍在使用的，而且不仅在该框架中的刑事诉讼程序。在许多情况下，国防请求进行审讯，使用的测谎。

例如，在一个案件中，被定罪人和他的律师，有吸引力的判决，指出，法院不合理地拒绝满足辩方的请求任命一个法庭的心理生理检查与使用的一个"测谎"。然而，高等法院的论点站不住脚的，指出《刑事诉讼法》的俄罗斯联邦没有提供对该法律的可能性，使用的测谎测在刑事诉讼程序。这种类型的审查结果的一项调查，使用的测谎注册的心理生理反应的任何问题，其结论不能被

视为适当的证据，可以满足第 74 条的《刑事诉讼法》的俄罗斯联邦。数据的
使用测谎时的可靠性检查的证词，被告不是证据。被告被直接询问在审判，并
评估他们的证词是负责陪审团的，不是专家[]。在这种情况下，法院的立场说明
作为逻辑，具体而合理作为可能。

但是，其他情况时，例如，证人提供被审问使用测谎仪，但没有一个拒
绝对他们的一部分，该法院认为允许，证明这种通过参照第 21 条和第 22 条的
俄罗斯联邦宪法，并且还注意到非强制性的这种类型的证据为起诉按照《刑事
诉讼法》[]。虽然使用测谎不是使用，非常评估的测谎作为一种手段，可以用来
获得的证据值得关注。

在审查的做法，最高法院的俄罗斯联邦，该问题使用测谎仪也提出了它
指出，特别是调查员拒绝 K.的请求。决定任命一名心理生理检查她的证词(使
用测谎仪)是合理的，因为《刑事法律并没有提供为核实客观的证词使用测
谎器；这项研究进行的讯问中使用测谎器登记只有心理生理反应的一个问题，
并获得的信息作为研究的结果没有回答这个问题。要求的证据根据第 74 条的
《刑事诉讼法》的俄罗斯联邦。评估的可靠性受到审讯的人的证词称的专属权
限的法院发出的判决的情况下[]。就是说，在这种情况下，允许使用测谎测提出
了质疑。

应该指出的，使用的测谎测是，首先，监管和法律问题，因此想法的发
展和通过的联邦法"对测谎"是完全有道理的[， p.57].

第二个问题是关系到本组织的测谎仪的应用程序。目的使用测谎器在任何情况评估的信息的可靠性提供的人正在检查。考虑到具体操作的印刷设备和影响的若干因素对结果的使用，重复性得到的结果、意见表示，有必要确认与其他可用的方法，包括通过比较的测试结果与其他证据[， p. 57]. 这是不是没有道理的。

另一个问题是由于缺乏通用的科学基础的方法的专家研究，可以提供可靠的结果。它是缺乏一个普遍接受的研究方法，导致模糊不清的评估结果的心理生理专门知识，在刑事诉讼程序。实施这种技术将需要使用高技术设备和适当培训的测谎专家。解决这个复杂的方法学问题会显着增加，可靠性得到的结果和可能的使用他们在刑事诉讼程序中作为证据[， p. 58]. 然而，支持者使用测谎仪不是那么明确，考虑到可用的方法是足够的

应当指出，可靠性和质量的结果为心理生理检查，主要是影响制造性的印刷设备和专业精神的一个测谎器检查者[， p.59]. 这也应该加以考虑。

结论

所进行的分析显示，该问题使用测谎器在上下文中业务的搜索和在刑事诉讼程序的活动不受法律管制，只有一些由法律和各项建议，以及司法解释有关的可能性，或不能使用这种设备。因此，需要解决这个问题没有提出任何疑虑。

基于此，它建议补充《刑事诉讼法》规范，不允许使用结果的使用测谎器的刑事诉讼中的不同意审讯问题。同时，它为适当的可能性排除使用的结果

操作搜索活动的基础上，使用的测谎测在刑事诉讼程序中，如果相关的话题，是谁进行了面谈，使用的测谎测反对这一点。同时，它从根本上重要的是要考虑到概率性质的结果，而不是让他们作为证据明确证实或驳斥某些证人被讯问或者采访。

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. Определение Верховного Суда РФ от 11.09.2012 по делу №41-О12-57СП // СПС «КонсультантПлюс».
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025 г.) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/34367/>
5. Апелляционное определение Южного окружного военного суда от 28.03.2025 № 22А-249/2025 (УИД 61GV0018-01-2024-002046-03) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Вершицкая Г.В. Процессуальные и тактические особенности использования полиграфа в правоохранительной деятельности // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23, № 1. С. 52–59.
7. Герасимова Е.В., Брагин К.С., Хавдок А.М. Использование полиграфа в уголовном судопроизводстве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1, № 3(96). С. 117–128.

References

1. Ugolovno-processual'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 23.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
2. Federal'ny'j zakon ot 12.08.1995 № 144-FZ (red. ot 28.02.2025) «Ob operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 33. St. 3349.
3. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 11.09.2012 po delu №41-O12-57SP // SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Obzor sudebnoj praktiki Verxovnogo Suda RF № 1 (2025) (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 25.04.2025 g.) // Oficial'ny'j sajt Verxovnogo Suda RF. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/34367/>
5. Apellyacionnoe opredelenie Yuzhnogo okruzhnogo voennogo suda ot 28.03.2025 № 22A-249/2025 (UID 61GV0018-01-2024-002046-03) // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Vershiczskaya G.V. Processual'ny'e i takticheskie osobennosti ispol'zovaniya poligrafa v pravooxranitel'noj deyatel'nosti // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2023. T. 23, № 1. S. 52–59.
7. Gerasimova E.V., Bragin K.S., Xavdok A.M. Ispol'zovanie poligrafa v ugovnom sudoproizvodstve // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva. 2020. T. 1, № 3(96). S. 117–128.

CONTENTS

ON THE EXPEDIENCY OF INTRODUCING CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION	8
THE PROBLEM OF DOMESTIC VIOLENCE IN THE DISCOURSE ON CRIMINALIZING BEATINGS UNDER ARTICLE 6.1.1 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	199
KNOWINGNESS AS A CRITERION FOR CRIMINAL LIBEL ASSESSMENT ..	30
THE RIGHT OF A JUDGE TO BE GUIDED BY HIS OR HER OWN CONSCIENCE AS A CONDITION FOR THE FREEDOM TO EVALUATE EVIDENCE GUARANTEED BY ARTICLE 17 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION	40
DEBATABLE ASPECTS OF USING A POLYGRAPH IN CRIMINAL PROCEEDINGS.....	511

表格的内容

在权宜之计的引入刑事责任的法律实体，在俄罗斯联邦.....	8
家庭暴力问题的讨论定为刑事犯罪的殴打，根据第 6.1.1 的行政代码俄罗斯联邦	19
知道的状态标准的刑事诽谤的评估	30
正确的判断为指导，由他或她自己的良知作为条件自由评价证据，保证通过第 17 条的《刑事诉讼法》，俄罗斯联邦的	40
值得商榷的方方面面使用测谎测在刑事诉讼程序	51